

Смирнов Дмитрий Владимирович

ПЕРЕОТКРЫТИЕ ВРЕМЕНИ В ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНА

В статье представлен анализ некоторых из современных философских концепций, касающихся воззрений на природу времени, свойственных эпохе постмодерна. Отталкиваясь от критики Деррида хайдеггеровской "метафизики присутствия", автор приходит к выводу о существенной трансформации современных темпоральных представлений в сравнении с классической моделью. Главная особенность новой структуры – потеря таких качеств как однозначность и одномерность. Подобную трансформацию можно проследить, в частности, рассматривая понятие "ризомы" Делёза и Гваттари, а также обращаясь к критике постиндустриального общества Бодрийера.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/4-1/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. I. С. 173-175. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 115

Философские науки

В статье представлен анализ некоторых из современных философских концепций, касающихся воззрений на природу времени, свойственных эпохе постмодерна. Отталкиваясь от критики Деррида хайдеггеровской «метафизики присутствия», автор приходит к выводу о существенной трансформации современных темпоральных представлений в сравнении с классической моделью. Главная особенность новой структуры – потеря таких качеств как однозначность и одномерность. Подобную трансформацию можно проследить, в частности, рассматривая понятие «ризомы» Делёза и Гваттари, а также обращаясь к критике постиндустриального общества Бодрийяра.

Ключевые слова и фразы: философия; время; деконструкция; постмодерн; время в постмодерне.

Смирнов Дмитрий Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет

smidmitry@gmail.com

ПЕРЕОТКРЫТИЕ ВРЕМЕНИ В ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНА[©]

Переоткрытие времени в философии постмодерна осуществляется в характерной для этого периода манере, где особое место занимает критика так называемой «метафизики присутствия» [9, с. 41-50]. В общих чертах о метафизике присутствия можно говорить в двух основных аспектах: в отношении обеспечения самого присутствия в мире – о ведущей роли сознания относительно этого мира, в отношении же времени – о главенствующей роли модуса настоящего в сравнении с прошлым и будущим. Новая философия пытается преодолеть данные положения. Так, согласно Ж. Деррида, при построении моделей времени вся прежняя философская мысль слишком много внимания уделяла присутствию, т.е. актуальному, обходя стороной неприсутствующее и неактуальное. Даже когда речь шла о прошлом и будущем, данные модусы времени чаще всего рассматривались через призму настоящего.

В статье «Сущность и грамма» Деррида рассматривает хайдеггеровскую критику традиционной парадигмы времени, обращаясь при этом к Аристотелю. Избирая подобную тактику, Деррида ставит цель сравнить аргументацию временной концепции Аристотеля с её приоритетом настоящего [1] и представление о времени М. Хайдеггера [10], в котором тот отдаёт предпочтение будущему. Деррида показывает, что несмотря на то, что Хайдеггер критикует прежние аристотелевские положения, его критика, по сути, осуществляется в рамках существующей традиции, а вся аргументация сохраняет в себе основные противоречия классической трактовки времени.

Настоящее *Dasein* в хайдеггеровской модели времени определяется приоритетом будущего. Схожесть с телеологической временной моделью Аристотеля здесь очевидна – это та же круговая модель, в которой конец времени замыкается на его начало. Само осознание конечного характера бытия, присущее исключительно природе *Dasein*, уже содержит в себе априорную укоренённость в сознании модуса будущего. Осмысление конца, смерти, неотделимо от вопрошания о смысле бытия человека. Именно поэтому, пишет Деррида, «размышление о цели как конце и о конце как цели человека уже заранее вписано в рассуждение об истине человека» [6, с. 66].

Концепция Деррида позволяет по-новому описать время, устранив из рассуждения прежнюю циклическую обусловленность. Если настоящее, представляющее из себя не что иное, как момент «теперь», должно с неизбежностью содержать то, чем оно не является, т.е. прошлое и будущее, значит, это настоящее уже не может быть некой однородной точкой, а является своеобразным синтезом самости и инаковости. Такое настоящее Деррида называет «единичным множественным», которому никогда не предшествовало единое начало. Следовательно, и само время при таком подходе невозможно рассматривать как замыкающееся в точку или в круг, т.е. постоянно повторяющееся. Противоречивость «теперь» Деррида видит в структуре так называемого «изначального откладывания». «Деконструкция простого присутствия, – пишет Деррида, – не ограничивается учетом горизонтов потенциально настоящего, т.е. диалектики предвосхищения и удержания, которую пытаются отыскать в самом средоточии присутствия... Дело не в том, чтобы усложнить структуру времени и его фундаментальную однородность и последовательность... [Проблема в том, что] эта модель последовательности не позволяет, например, сиюминутному *X* вторгнуться на место сиюминутного *A* и не допускает, чтобы в результате откладывания, неприемлемого для сознания, наличный опыт определялся бы не тем настоящим присутствием, которое непосредственно ему предшествует, а тем, которое возникает «задолго» до него. Это – проблема «изначального откладывания» или «запаздывания» (*Nachtraglichkeit*), о котором говорит Фрейд» [5, с. 194-195]. И действительно, если настоящее (присутствие) в стремлении оставаться самим собой должно непременно отсылать к иному, к отсутствию, то подобное отсутствие должно быть первично по отношению к присутствию. А это означает, что настоящее всегда будет вынуждено «откладываться», «запаздывать» по отношению к самому себе, т.е. выступать лишь в роли следствия иного обуславливающего его процесса. Момент «теперь» не есть точка, а есть непрерывность, в которой существование чего-либо абсолютно постоянного в принципе невозможно.

Данная концепция Деррида, а также следствия, неизбежно вытекающие из неё, как нельзя точно выражают отношение ко времени эпохи постмодерна. Очевидно, что современные представления о времени в сравнении с классической моделью существенным образом трансформировались. Главной особенностью новых временных представлений явилась, прежде всего, утрата таких важных ранее характеристик, как однозначность, одномерность и абсолютность. Время стало многомерным и относительным. И это в полной мере соответствовало тем изменениям, которые произошли в культуре второй половины XX века.

Признание универсальных законов развития общества, объективных норм морали и права, а также стремление к системной социально-экономической организации жизни, свойственное эпохе модерна, уступило место совершенно иной форме социума, характеризующейся абсолютным плюрализмом и отсутствием какого-либо единого начала внутри него. Основным принципом постмодерна стал принцип относительности, множественности и равноправия любых культурных составляющих, где сама постановка вопроса об истине в качестве первостепенного вопроса стала неактуальной и отошла на задний план. Мир стал мыслиться, прежде всего, как мир возможностей, отрицающий какое-либо единое начало и системную организацию. Если и можно сейчас говорить о структуре в постмодерне, то это структура с принципиальным отсутствием в ней какой-либо дифференциации, иерархии, с размытыми границами и не имеющая центра. Для обозначения такой структуры уместно употребить понятие «ризомы» [4, с. 6-45], введённое Ж. Делёзом и Ф. Гваттари в их книге «Тысяча плато: капитализм и шизофрения».

Традиционную культуру Делёз и Гваттари условно представляют себе в виде дерева, имеющего мощный центральный ствол и отходящие от него ветви. Всё в этой схеме взаимосвязано, взаимозависимо, имеет единое основание и подчинено общей логике развития. Ей противостоит иная, ризоматическая система, в которой трудно выделить какую-либо одну организующую часть, ибо она лишена основания, а ведущими принципами организации в ней являются хаос и случайность.

Подобное отсутствие общего основания, децентрализация, предполагает, прежде всего, отказ от той модели, которая допускает привилегированное положение одной системы по отношению к другой, одного смысла по отношению к другому. Напротив, любые значения и ценности, входящие в культурное пространство, рассматриваются здесь как равноправные и если и взаимодействующие друг с другом, то уже не на одном, а на множестве уровней. Такие уровни Делёз и Гваттари называют «плато» [4], представляя их как совокупность самых разных по своей структуре и назначению элементов, переплетающихся между собой в бесконечную череду несвязанных событий, не имеющих каких-либо специальных меток и особых координат. Основной принцип данной модели – отказ от положений классического детерминизма и линейности. Мир нельзя свести к одной простой фигуре, он теряет конечный смысл и представляется лишённым всяческой размерности, основания и границ.

Разрушение классической модели, сопровождающееся крахом привычной картины мироздания, протекает одновременно с переходом от индустриального общества к постиндустриальному. Роль и место человека в новой общественной формации резко меняются, равно как и эволюционируют внутренние характеристики самого социума. Если прежнее индустриальное общество могло развиваться только в условиях жесткой трудовой дисциплины и постоянного контроля над процессом целесообразного использования времени, то новое постиндустриальное общество уже не испытывает подобной необходимости и способно существовать пренебрегая строгой регламентацией и единым, необходимым для всех, набором правил и норм.

Новая модель времени, лишённая жёсткой структуры и универсальности, порождает иное к нему отношение. С одной стороны, становясь разным, время обретает возможность «примериться» к конкретному человеку и уделить больше внимания его индивидуальности. Не случайно такие понятия, как «стиль», «имидж», «бренд» [7], стремительно входят в лексикон постиндустриального общества и становятся крайне употребляемыми. С другой стороны, обретая гибкость, время подталкивает человека не только к заботе о своём стиле, но и к необходимости изменять его. Так, наряду с понятием «стиля» всё более и более значимым становится понятие «моды». По мнению Ж. Бодрийяра, именно модная вещь в процессе постепенного перехода от кустарного производства единичного продукта к его массовому выпуску теряет в этой массовости свою «знаковую» функцию и перестает нести какую-либо информацию о вещи, кроме той, что эта вещь модная. Вещь уже не сообщает ни о классовой принадлежности индивида, ни о его материальном положении, ни вообще о том или ином социальном статусе. С точки зрения Бодрийяра, система знаков, воплощённая в моде, теряет означаемое и уже не даёт той информации о характеристиках человека, что предоставляла ранее. Превращая людей в одномерную и мало различающуюся по внешнему виду массу, мода не только перестаёт индивидуализировать, но и способствует уничтожению всяческой личностной мотивации, ибо направлена не на выражение индивидуального вкуса, а лишь на присвоение существующей системы модных знаков, подчёркивания при этом не столько качества самого индивида, сколько создавая иллюзию обладания индивидуальностью. «Когда в моде была причёска а-ля Бриджит Бардо, каждая модная девица в своих собственных глазах была неповторима, поскольку соотносила себя не с тысячами себе подобных, но с самой Бардо – сияющим образцом, источником оригинальности» [2], – пишет Бодрийяр.

Нельзя, однако, сказать, что человек общества потребления полностью обезличивается и обесценивается. Скорее, он приобретает соответствующее лицо и цену вместе с определённым, купленным им, товаром. Границей человека становится граница товара, которым он в данный момент владеет. Именно эта граница в конечном итоге и создаёт иллюзию принадлежности человека к той или иной социальной группе, к тому или иному культурному сообществу. Человек ценен количеством потребляемого им. Даже так называемый «досуг» сводится при таком подходе к потреблению. Раздвоенность времени на время труда и время отдыха является здесь более формальной характеристикой, чем очерчивающей реальные сферы жизни индивида.

Отдых не является полностью свободным временем, которое можно расходовать как угодно и на что угодно, в том числе и просто «потерять». Отдых в современном обществе – это, прежде всего, «заработанное» время, которое необходимо на что-то потратить, получив при этом максимум удовольствия. Способов траты времени может быть множество – это поход в кино или посещение музея, занятие в спортивном или игровом клубе, работа на дачном участке или поездка за границу, отдых на пляжном или горном курорте, проживание в отеле, в санатории и пр. Человеку предоставляется свобода выбора способа отдыха, однако он практически лишён возможности отказаться от такого выбора. Просто «убить» время, ни на что его не потратив – это непозволительная роскошь для современного человека. Красивый загар, неременная улыбка на лице и альбом фотографий, выложенный в Интернете, – атрибуты, подтверждающие удачно проведённый отпуск и эффективно вложенные инвестиции «свободного» времени.

Это означает, что даже время так называемого «досуга» является фактически временем не свободным, а выступает лишь в качестве дополнения к времени труда, совместно с которым вливается в общее время производства различных социальных статусов и коллективных знаков. Процесс формирования подобного рода «общего» времени всё более и более расширяется, довольно быстро порождая структурные изменения в культурах не только стран Запада, но и всего мира. Если ранее для различных локальных сообществ была характерна культурная замкнутость и стремление к сохранению своих особенных рамок и ценностных границ, а соответственно и собственных пространства и времени, то сегодня эти отличия становятся всё менее отчётливыми, постепенно стираются и исчезают. Человечество приобщается к единой мировой культурной системе, имеющей как общее настоящее, так и общее будущее. Пространство мирового культурного взаимодействия максимально расширяется, кардинально меняя отношение к «другой» культуре доминантой единого для всех времени человеческого общежития. Этой возросшей общественной коммуникабельности в огромной степени способствует бурное развитие всевозможных технических средств, в частности всемирной сети Интернет. «... Интернет-пространство – выступает уже не просто промежуточной, дополнительной и подручной инстанцией, но всё больше и больше претендует на инкорпорирование в экзистирование человека» [8, с. 127]. Позитивной стороной такого процесса может стать появление небывалой ранее возможности довольно быстрого ознакомления и освоения самых разных сторон мировых культур, что позволит с большим пониманием относиться к «чужой» культуре и станет определяющим при формировании в человеке таких важных качеств, как открытость и терпимость.

Подводя итог и характеризуя современное отношение ко времени в целом, можно сказать, что, несмотря всю сложность и противоречивость наблюдающегося процесса глобализации, а как следствия, неизбежного перехода человечества к структуре общего времени, усилия людей, с одной стороны, необходимо направить на сохранение имеющегося разнообразия культурных традиций, с другой же стороны, на создание совершенно иной культурной идентичности, в которой различия традиций уже не разъединяют, а объединяют людей, позволяя использовать общее время для построения системы взаимоотношений, свободной от какой-либо дискриминации.

Список литературы

1. Аристотель. Физика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1981. Т. 3. 150 с.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999. 199 с.
3. Грицанов А. А., Абушенко В. Л. История философии: энциклопедия. Минск: Интерпрессервис, 2002.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Екатеринбург – М.: У-Фактория; Астрель, 2010. 39 с.
5. Деррида Ж. О грамматологии. М.: *Ad Marginem*, 2000.
6. Деррида Ж. *Les Fins de l'homme* // Вестник Национального технического университета «ХПИ». Серия «Философия». Х.: НТУ «ХПИ», 2004. Вып. 6.
7. Муратова И. А. Имидж человека как текстуальная реальность // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (40). Ч. 1. С. 117-120.
8. Соколов Б. Г. Трансформация хронотопа // Художественный хронотоп: новые подходы: VII кагановские чтения: тезисы Всероссийской научной конференции (18 мая 2013 г.). СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2013.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2002.
10. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: ТОАК, 1998. 12 с.

REDISCOVERY OF TIME IN POSTMODERNITY PHILOSOPHY

Smirnov Dmitrii Vladimirovich
Saint Petersburg State University
smidmitry@gmail.com

The article presents the analysis of some modern philosophical conceptions concerning the views on the nature of time, which were characteristic for the postmodernity epoch. Starting out from Derrida's criticism of the Heideggerian "metaphysics of presence" the author comes to the conclusion about the essential transformation of modern temporal ideas in comparison with the classical model. The main peculiarity of the new structure is the loss of such characteristics as unambiguity and one-dimensionality. Similar transformation can be traced, in particular, while considering the concept of "rhizome" of Deleuze and Guattari as well as referring to Baudrillard's criticism of postindustrial society.

Key words and phrases: philosophy; time; deconstruction; postmodernity; time in postmodernity.